

Духовный мир дагестанцев

КАЗОЧНЫЕ МОЦВЕТЫ ДАГЕСТАНА

А. Ф. Назаревич

Сказочные

самоцветы Дагестана

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8683825

Сказочные самоцветы Дагестана. Александр Назаревич: ИД “Эпоха”;

Махачкала; 2007

ISBN 978-5-98390-011-0

Аннотация

Настоящая книга знакомит читателя со сказками лучших мастеров слова многоязычного Дагестана. Каждая из них самородок, несет информацию о характере народа, обычаях и традициях определенной местности, села, района. В то же время в них много общего, потому что родились эти самоцветы в недрах древней Страны гор.

Содержание

Волшебный мир народной выдумки	4
Следы ведущие вглубь веков	7
Медвежий сын	9
Мелик-мамед падишах трёх царств	19
Сыновья мельника и аждаха	28
Сказка о Кара-Катыре	33
Победитель нартов	51
Синяя птица	59
Волшебный сад и его хозяйка	64
Табунщик и дочь падишаха	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Назаревич

Сказочные самоцветы Дагестана

Волшебный мир народной выдумки

Нет необходимости в этой книге знакомить читателя с родиной известных мастеров народнопоэтических богатств. Страну Шамиля, страну поэтических преданий, поразивших ещё Льва Толстого, страну Сулеймана Стальского, Эффенди Капиева, Расула Гамзатова знают все. Как в книге о Хаджи-Мурате в одно живое дыхание слиты и поэзия, и суровая действительность гор, так и в художественном творчестве горцев неразрывно переплетены правда жизни и зыбкость вымысла, неторопливая мудрость и быстрокрылая мечта, терпкая старина и светлое ощущение будущего.

Неповторимый, полный национального своеобразия мир горской поэзии был порожден и талантом народа, и его нелёгким прошлым. Собирая материалы к «Хаджи-Мурату», Толстой записал: «Песня о Хочбаре – удивительная!» Но талант народа проявился не только в песне. Своеобразна

и богата и дагестанская сказка.

Исследователи начали интересоваться ею поздно – первые, к сожалению редкие, записи и публикации относятся только ко второй половине прошлого века. Их можно найти, главным образом, в трудах учёных, изучавших многочисленные дагестанские языки. Только в советское время, после выступления Горького на съезде писателей и его известного письма к Сулейману Стальскому началось широкое собирание поэтических сокровищ Страны гор. Сейчас и в Дагестанском филиале Академии наук СССР, и в Дагестанском университете хранится уже огромное количество записей сказок, вышло много сборников, имеется немало обобщающих работ.

Сюжеты сказок во многом интернациональны. Но интернациональное в фольклоре всегда проявляется в национальных формах. Дагестанская сказка даёт этому огромное количество примеров. В предлагаемом вниманию читателей сборнике составитель постарался представить всё в этом отношении самое характерное.

Национальное проявляется в характере сказочной фантастики, в сюжетном составе сказок, в их конкретном содержании, во многих чисто горских деталях, в художественной форме сказок. Национальное, особенное и составляет эстетическое своеобразие сказки. Это особенно переливается всеми радужными гранями горских самоцветов потому, что дагестанская сказка многоязычна – она веками развива-

лась даже на языках одноаульных, бесписьменных народностей.

Причудлив, фантастичен мир персонажей и волшебных диковинок горской сказки. Фантастическое переплетается с условным сказочным реализмом, по-своему отражает действительность и стремится воздействовать на неё.

Сказка передавалась от поколения к поколению, и мастера сказки шлифовали её, отсеивали ставшее неактуальным. Она многослойна. В ней – и традиционное, древнее, и молодое. В расположении материалов этого сборника мы стремились как-то систематизировать старое и новое, сопроводив каждый раздел краткими, самыми необходимыми обобщениями. Но, конечно, об исторической классификации состава сказок можно говорить только условно – сказки, отражая какие-то черты и доклассового общества, и феодальной эпохи, и нового времени, сами по себе мало историчны. Живая, все время меняющаяся действительность, трудовая и социальная проблематика, чаяния и ожидания народа отражены в сказках по-своему и никак не напоминают летопись, даже разукрашенную фантазией.

В волшебный мир образов и причудливо выраженной мечты горцев читателя должна повести сама сказка.

А. Назаревич

Следы ведущие вглубь веков

Странно – на языке легов понятия народной поэзии и резьбы по камню – одного корня. Разве живое слово сравнимо с резцом?

Эффенди Кашиев

Медвежий сын

(Аварская сказка)

Были не были человек и старая матёрая медведица. Был у них сын.

Сила у него была медвежья, ум человеческий. Когда сын подрос, человек сказал:

– Хочешь ли уйти из звериной пещеры и побывать среди людей?

– Хочу, – ответил сын.

– Если хочешь, тогда скажи матке, чтобы она на ночь легла у края пещеры, а нас уложила спать в глубь.

Пещера была над обрывом, человек ночью толкнул зверя, и медведица разбилась.

Наутро отец и сын бежали в родной аул. Сын подрос, стал еще сильнее и однажды просит отца:

– Хочу я странствовать по свету, отец. Раздобудь мне железную палку толщиной с дуб.

Пошёл отец к кузнецу, а кузнец удивился: да кто ж, – говорит, – мне такую махину на наковальне разворачивать будет?

– Я буду, – сказал юноша.

Кузнец только диву даётся, – там, где и десятерым не под силу, медвежий сын железную дубинку одним пальцем ворочает.

С железной дубиной в руках и пошел медвежий сын по белому свету, себя показать и людей повидать.

Перевалил он свою гору, обошёл чужую, приходит в незнакомый аул. Увидел на краю аула старуху и спрашивает:

– Как у вас, бабушка, здесь прохожих размещают – по богатству или по очереди?

– Нет у нас ни ваших порядков, ни соседских. Если не погнушаешься, поживи у меня. Только знай, – нет у меня ни подстилки, ни покрывала.

– Ну, это для меня не беда, – отвечает медвежий сын, – была бы спина, а где её положить – место найдётся.

Переночевал медвежий сын, поблагодарил старуху и спрашивает:

– Нет ли у тебя какой нужды, бабушка?

– У меня нет, а вот в ауле беда, – отвечает старуха, – повадился к нам змей-аждаха, с каждого дома девушек уводит. Хан все свои богатства и дочь в придачу обещал тому смельчаку, кто сумеет отбить её у аждахи.

– Я отобью, – говорит медвежий сын. – Сходи, бабушка, к хану, скажи, что есть у тебя маленький, оборванный, шелудивый гость, – он, мол, берётся отбить твою дочь у аждахи.

– Что ты, сынок, – отмахивается старуха. – Если хану будешь служить – аждаха убьёт, аждаха пощадит – хан казнит. На силу сильных твоей силы не хватит.

– Хватит, бабушка, – смеётся медвежий сын, – иди скорей к хану. Обещай ему спасти его дочь.

Хан, как услышал от старухи о её шелудивом госте, рассердился и хотел тут же казнить её, а потом подумал: и старуха, и её гость от меня не уйдут, дай сперва испытаю его.

А хан смельчакам, которые брались спасти его дочь, предлагал такое испытание: ставил на столы двенадцать бараньих туш и двенадцать подносов хлеба; если съел – значит, есть у тебя сила идти на аждаху, нет – голова с плеч!

Не успели поставить перед медвежьим сыном нартовский обед, как он всё съел, ещё попросил.

– Вот этот человек, может быть, и спасёт мою дочь. Дайте ему вдоволь припасов и молодецкого коня.

Сел медвежий сын на коня, закинул за плечо свою дубинку и отправился в путь. Только, где живет аждаха, никто ему не мог указать, – все боялись.

Проехал медвежий сын огромный лес, за лесом увидел большое селение, а на краю селения оборванную старуху.

– Здравствуй, бабушка! Как у вас здесь проезжих людей размещают – по богатству или по очереди!

– Нет у нас ни ваших порядков, ни соседских, – отвечает старуха, – если ты хочешь, я приму тебя к себе.

Приняла старуха гостя, начала месить для него толокно, а медвежий сын диву дивится – старуха в толокно воду не льёт, а лишь месит его да поплёвывает.

– Что это у вас за порядки такие? – спрашивает медвежий сын.

– Видишь ли, сынок, – отвечает старуха, – нам и воды

взять неоткуда,

– занял наш родник аждаха и, кто ни подойдёт, того и убивает.

Обрадовался медвежий сын, что нашел, наконец, аждаху и говорит хозяйке:

– Дай-ка мне скорее кувшин, я принесу воды. Увидел аждаха незнакомого человека, пустил к воде.

– На первый раз – пригрозил, – так уж и быть прощу тебя, как кунака! Принес медвежий сын воду домой, замесила хозяйка толокно, а остатки воды на радостях пошла продавать по селению.

На утро по всем домам пошел слух, что появился герой, который не боится ходить к роднику. В этот день в ауле была свадьба сына шамхала. Вот шамхал приходит к медвежьему сыну и просит:

– Принеси и мне кувшин воды с родника, а за это я тебя, хочешь ли сидящего – золотом засыплю, хочешь ли стоящего – серебром.

– Не нужно мне ни серебра, ни золота, – говорит, медвежий сын. – Пришли ко мне своего человека с кувшином, я с ним пойду к роднику.

Увидел аждаха медвежьего сына со слугой шамхала, говорит:

– Ещё раз пропущу тебя, незнакомец, а третий раз придешь, – берегись!

Медвежий сын проводил слугу во дворец шамхала, а за-

тем взял свою дубинку и пошёл на аждаху. Из рта аждахи пошёл дым, из глаз посыпались искры, но медвежий сын не испугался, взмахнул дубиной и отбил аждахе все девять голов. Кинулся медвежий сын в пещеры, где жил аждаха, а там никого нет, – это, оказывается, другой аждаха крал ханских дочерей.

На следующий день слуги шамхала увидели отшибленные головы аждахи, захотели выслужиться, прибежали к шамхалу и сказали, что они убили аждаху.

Пришел шамхал к роднику, а народ уже собрался там и говорит слугам шамхала:

– Если это вы убили аждаху, так поднимите хотя бы одну его голову. Никто из них не смог даже с места тронуть ни одну голову.

Тогда народ сказал: что аждаху победил, наверно, человек, который до этого два раза ходил к роднику.

Шамхал послал спросить приезжего человека, а он только зеваает: где уже мне справиться с аждахой; я человек, уставший от работы, не мешайте мне спать!

Слуги шамхала сказали, что раз человек говорит, что он слабей аждахи, зачем и приставать к нему, но шамхал всё-таки приказал, чтобы приезжий явился к роднику. Пришлось медвежьему сыну прийти. Он легко поднял голову аждахи одним пальцем, и весь народ удивился. А шамхал убил своих слуг за обман и сказал медвежьему сыну:

– Выбирай, что хочешь, только иди ко мне на службу!

– Ничего мне от тебя, шамхал, не нужно, – сказал медвежий сын. – Я человек, уставший от работы, – поеду, отдохну.

Тогда народ разошелся, а медвежий сын со своей железной дубинкой отправился искать того аждаху, который увёл ханскую дочь. Свою гору перевалил, чужую гору обошёл, переправился через реки Ин да Дин, оставил позади шипучие водопады и дремучие леса и доехал, наконец, до густого орешника.

Сорвал медвежий сын орехов и вдруг слышит крик аждахи:

– На первый раз, незнакомец, я тебя прощаю, но ещё раз появишься в моих садах – берегись!

Медвежий сын ничего не сказал, посмотрел вокруг, увидел, что здесь нет ханской дочери, и поехал дальше.

Снова попались ему на пути шипучие водопады и дремучие леса, а за ними – огромный сад.

Только нарвал медвежий сын абрикосов, да хурмы, как услышал:

– И второй раз я тебя прощаю, незнакомец, но в третий раз появишься – берегись!

Медвежий сын увидел, что и здесь нет ханской дочери, и поехал дальше.

Опять он миновал и шипучие водопады, и дремучие леса и попал в огромный богатый виноградник. Рядом было озеро, а в озере – аждаха. На берегу озера сидела ханская дочь и горько плакала.

Медвежий сын наелся вдоволь винограда, а ещё больше потоптал.

Аждаха рассвирепел. Из пасти его пошли клубы дыма, из ноздрей завихрились столбы пламени, и над озером потянулись горячие облака. Медвежий сын бесстрашно вышел навстречу аждахе и ринулся в бой. Он схватил аждаху за шею, окунул под воду, чтоб погасить пламя, и задушил змея.

Посадив позади себя на седло дочь хана, медвежий сын вернулся в родные края. Обрадованный хан в этот же миг, словно с потолка достал кадия, словно из дверной задвижки раздобыл муллу, точно из отверстия оси посыпались муталимы, – и обвенчал свою дочь с медвежьим сыном. Свадьба была веселая, и продолжалась она целый месяц.

За весельем и не заметили, как пришла к концу осень и надвинулась зима. Хан приказал поскорей заготовить дров на зиму. Слуги хана собрали ослов и мулов, навьючили на них мясо и хлеб, собрались в лес за дровами. Медвежий сын узнал об этих приготовлениях и сам решил пойти в лес.

– Куда тебе, – сказал хан, – а что же будут делать тогда мои слуги! Сиди себе дома!

Но медвежий сын не согласился, поехал со всеми в лес. У опушки он присел, набрался сил, съел четыре туши мяса и четыре мешка хлеба, собрал упряжь со всех ослов и мулов, пристроил её себе на плечи и направился в лесную чащу. Пospав там до полудня, он после полудня выбрал сто самых больших и крепких дубов, вырвал их с корнем, связал,

взвалил себе на спину и отправился к дому хана.

Дошел медвежий сын до ворот и видит, что с деревьями ему в ворота не пройти.

Поднатужился, – не прошёл, ещё раз поднатужился – и огромные, из белого камня ворота рухнули.

Хан выбежал на шум из дома и видит – во двор тащится целый лес.

Хан испугался. Что же это такое, подумал он, если этот человек рассердится, он одним ударом убьет и всех моих слуг и меня самого. И хан решил придумать медвежьему сыну поручение в такое опасное место, откуда бы он вовек не вернулся.

Вот однажды хан и говорит:

– Послушай, медвежий сын, сослужи мне службу!

– Охотно, мой хан, – отвечал медвежий сын, – куда прикажешь отправляться?

– Видишь ли, медвежий сын, в том лесу, куда ты ходил за дровами, живёт одна ужасная карт-людоедка. Она должна мне тысячу золотых. Не пойдешь ли ты за этим долгом?

– Почему же не пойти, – отвечает медвежий сын, – с удовольствием пойду.

Пришел он к карт и говорит:

– Ассалам алейкум, карт!

– Ва алейкум салам, медвежий сын. Если бы не твое уважение и не салам алейкум, сейчас же раздела бы тебя и бросила себе в рот.

– Не хвастай, карт, по-пустому, – сказал медвежий сын. – Лучше доставай свою казну и отдавай хану долг!

– Какой долг? – рассердилась карт.

– А тысячу золотых, – отвечает медвежий сын. Карт-великанша начала кричать и звать своих слуг, а медвежий сын схватил её одной рукой, да так придавил, что она не могла даже и пошевелиться.

– Ладно, – хрипит, – получай свою тысячу золотых!

Взял медвежий сын золото и пошёл домой.

Когда медвежий сын сумел вырвать у страшной карт несуществующий долг, хан стал еще больше бояться его. Думал он, думал, как бы избавиться от медвежьего сына, и говорит:

– Сделай милость, медвежий сын, я так болен, что меня может вылечить только та вода, что находится за семью горами, между двумя всё время сталкивающимися скалами. Не можешь ли ты принести мне эту воду?

– Отчего же не принести, – сказал медвежий сын, – с удовольствием принесу.

Выехал медвежий сын в путь и скоро прибыл туда, где две скалы всё время сталкивались и бились друг о друга. Только стал подходить медвежий сын к скалам, одна из них заговорила:

– Берегись, медвежий сын, не подходи к нам, – жалко мне твою молодость.

Медвежий сын и ухом не повёл и ещё ближе подошёл к скалам. Тогда они ещё грознее и быстрее стали сходитьсь

и расходиться, даже быстрая ласточка не успела бы проскочить между ними. Медвежий сын не побоялся, упёрся руками и не дал скалам сойтись, как они ни сердились. Так он набрал воды и повёз её хану.

Когда и на этот раз медвежий сын вернулся живым, хан от испуга вскричал:

– Ради Аллаха, уезжай ты из моей страны, оставь нас в покое! Бери всё, что хочешь, бери все мои богатства, всё ханство, – только уходи.

Медвежий сын говорит:

– Глупый ты хан. Не нужно мне ни твоего богатства, ни ханства, – я и сам давно хотел уйти от тебя.

Покинул медвежий сын ханский дворец и вернулся в свой отцовский аул. Там он и сейчас живёт и привозит лес на зиму всему аулу.

Мелик-мамед падишах трёх царств (Лезгинская сказка)

Жил-был Мелик-Мамед. Он был такой искусный охотник, что стрелы были ему как родные братья. Только подымет он лук, а тетива сама поёт:

Дзинь-динь – готовься, стрела,
Дзинь-динь – догони, догони!

Поёт тетива, а стреле уже и догонять никого не надо, – звери и птицы от одной песенки замирают как замороженные.

В один из дней в доме Мелик-Мамеда случилась большая радость – жена родила ему сына с золотым хохолком. Назвали его тоже – Мелик-Мамед.

Отец говорит:

– Пойду-ка я, жена, на охоту, – подстрелю для нашего сына какую-нибудь диковинку.

Только поднялся в горы, а на скале и впрямь диковинка – такая птица, что и в раю не найти.

Охотник подумал: «По такой птице стрелять, – только перья побьёшь. Лучше возьму ее живьём».

Поднял Мелик-Мамед свой лук, чтобы заморозить птицу, а она точно смеётся над ним. Тетива дрожит и поёт:

Дзинь-динь – готовься, стрела,

Дзинь-динь – догони, догони!

А разве догонишь, если птица прыгает с камня на камень и охотник еле-еле держится на уступе? Птица выше, и охотник выше. Она над расщелиной, и охотник за нею. Сорвался – и разбился насмерть. Птица вспорхнула и улетела.

Жена охотника погоревала, погоревала и решила: «Не дай Аллах, чтобы и сын стал охотником!»

Решила так, и выбросила лук и стрелы в сад.

Маленький Мелик-Мамед подрастал и так и не знал, кем был отец, – целыми днями резвился в горах да в лесу и думал только о том, чтобы никто не увидел его золотого хохолка.

Больше всего Мелик-Мамед любил зверей. Найдёт ежа и ласкает его, как самого мягонького котенка. Поймает сердитого хомяка и обучит его разным хитростям.

Ёж спрячется в траву, шуршит иголками.

– Хыр-хыр, – не спеши, не спеши!

А хомяк подымет на задние лапки, удивляется:

– Пиу... пиу... Почему? Почему?

Прямо хоть бери, да странствуй с ними по аулам, забавляй людей!

Однажды Мелик-Мамед привёл домой худого замученного осла. Караванщики забили его до полусмерти и хотели содрать с него шкуру, но до базара было далеко, а шкура изъедена оводами, вот его и бросили на дороге. Мелик-Мамед

выходил осла молоком, кормил сладким инжиром, залечил его раны мягкими травами. Осёл привязался к Мелик-Мамеду, стал ладным да крепким и с тех пор служил своему новому хозяину, как добрый конь.

Мелик-Мамед едет на своём ослике, а люди вслед ему говорят:

– Этот Мелик-Мамед такой же, как и его отец! Бродит по горам, точно ему в родном ауле и дела нет!

Мелик-Мамед услышал это и вернулся домой.

– Милая матушка, – спрашивает он, – кем был мой отец? Стыдно мне без дела жить. Я хочу перенять его ремесло.

...Мать не хотела, чтобы сын стал охотником, и сказала:

– Твой отец был пахарем, Мелик-Мамед. Мелик-Мамед попросил у соседа сошку-пуруц, впряг своего осла и давай пахать. Борозды у Мелик-Мамед получаются кривые, с огрехами, пуруц то зароется в землю, то подпрыгивает и, зная себе, скрипит да сердится:

Рип-скрип, – какой неуклюжий,

Рип-скрип, – все вкривь и вкось!

Люди проходят и смеются:

– Этот Мелик-Мамед – такой же, как и его отец. Бродил бы себе по горам, а наше дело – ему не дело!

Мелик-Мамед вернулся домой и снова допытывается:

– Милая матушка, кем был мой отец? Я хочу перенять его

ремесло.

Мать не хотела, чтобы сын был охотником, и сказала:

– Твой отец был угольщиком, Мелик-Мамед. Мелик-Мамед взял топор, пошёл в лес, нарубил веток, свалил их в яму, поджёг, засыпал землёй, любитесь, как клубится дым. Глядь, – а в дыму, прижатая ветками, задыхается живая зелёная змейка.

Мелик-Мамед разбросал землю, выручил змейку. Пока возился, ветки затрещали в огне, рассердились, запыхтели:

Ух-ух-х, – какой неумельный,

Ух-ух-х, – мы же сгорим!

Ветки сгорели, осталась одна зола, люди проходят и смеются, а Мелик-Мамед и не видит никого, и не слышит ничего – выходил-таки зелёную змейку.

Поблагодарила его змейка, юркнула в свою норку и сейчас же вернулась с колоском змеиного мятлика.

– Съешь, – говорит, – эту травку, Мелик-Мамед. Мелик-Мамед съел и даже вздрогнул от удивления, – столько на него нахлынуло сразу криков, шепотов, шума, слов, каких он до того и не знал.

– Ах, сорвите меня, сорвите меня! – шелестела трава под ногами Мелик-Мамеда. – Я веселю людей, я успокаиваю боль в пояснице.

– Что ты хвастаешься, огуречная травка, – крикнула с лес-

ного болотца кувшинка, – я нужнее тебя, я помогаю человеку петь!

– Не болтайте глупостей, – зашумела лещина, – человек с золотым хохолком понимает нас.

– Чивик, чивик! – защебетали птицы. – Мелик-Мамед понимает язык птиц!

– Мелик-Мамед говорит по-звериному, – подхватили звери. – Мелик-Ма-мед теперь ближе к нам, чем его отец.

Мелик-Мамед поспешил домой, чтобы спросить у матери, кем был его отец, и вдруг натолкнулся в саду на старый отцовский лук. «Дзинь-динь», – зазвенела тетива.

Дзинь-динь – готовься, стрела,

Дзинь-динь – догони, догони!

Тут Мелик-Мамед сразу догадался, кем был его отец. Он схватил лук, нашёл стрелы и стал таким же искусным охотником, каким был и его отец. От одной песни тетивы его лука звери и птицы замирали, как замороженные.

Однажды Мелик-Мамед, подстрелив косулю, задел большое дерево, росшее на скале. Из раны закапал сок, и дерево зашелестело листьями:

– Ах, пропадает моё вино. Мелик-Мамед, собери его. Оказывается, из насечки, которую сделала стрела, тёк густой сладкий мёд.

Мелик-Мамед привёл своего осла и набрал полные бур-

дюки мёда.

Когда Мелик-Мамед возвращался домой, над скалой вспорхнула удивительно красивая птица, – красивей всех самых красивых цветов на земле. «По такой птице и стрелять жалко, – подумал Мелик-Мамед, – возьму-ка её живой, понесу царю!»

Тронул Мелик-Мамед тетиву, и она запела:

Дзинь-динь – готовься, стрела,
Дзинь-динь – догони, догони!

Но красивую птицу не остановила эта песенка тетивы. Птица только вспорхнула над скалой и поднялась выше. Мелик-Мамед собрался было лезть за нею, а ослик сказал:

– Остановись, Мелик-Мамед! Так погиб твой отец. Лучше вылей мёд в ложбинку в скале, – птица подумает, что это родник, и завязнет, Мелик-Мамед так и сделал. Спрятался за скалой, – поймал красивую птицу и поехал во дворец к царю.

– Великий падишах, – сказал Мелик-Мамед, – я привёз тебе волшебную птицу.

– Чем же она волшебная? – спросил падишах.

– В доме, где появляется эта птица, обязательно бывают свадьбы.

– Какое же это волшебство, – рассмеялись визиры падишаха, – в царском доме и так будут свадьбы – у падишаха три дочери.

Падишах всё-таки принял птицу и спросил:

– Чем же мне отблагодарить тебя, охотник, за твой подарок?

– Назначь меня служить тебе, падишах, – сказал Мелик-Мамед.

На Мелик-Мамеде была пастушья шапка, скрывавшая золотой хохолок, он сидел на простом осле, а не на дорогом коне, и визиры стали издеваться над Мелик-Мамедом.

– Ослиный наездник хочет стать князем, – смеялись они. – Пастушьей шапке надоело жить в хлеву.

Падишаху стало жалко Мелик-Мамеда, и он назначил его хранителем своих овец.

В то лето над страной кружилось знойное марево и овцы падали всюду, как от моровой язвы. Мелик-Мамед вывел отары падишаха на пастбище, а травы закричали ему:

– Мы – ядовитые, человек с золотым хохолком. Утони подалее своих овец!

Мелик-Мамед выбрал пастбище, которое ему подсказали травы, и овцы падишаха остались живы, а овцы всех визиров падишаха – пали.

Падишах наградил Мелик-Мамеда и велел дочерям по очереди носить ему еду и питьё с царского стола.

Младшая дочь падишаха заметила однажды золотой хохолок Мелик-Ма-меда и полюбила юношу.

Осенью наступала пора, которой служила волшебная птица. В том краю, где правил падишах, существовал обычай,

что девушки выбирали себе женихов. В кого девушка кинет лесное яблоко, тот и становится её мужем.

Старшая дочь царя кинула яблоко в заезжего королевича, средняя – в главного визира, а младшая спрятала своё яблоко за платье и ушла во дворец.

– Почему ты нарушаешь обычай, дочь моя? – спросил падишах.

– А почему только визиры и ханы явились сегодня к нашему празднику? – сказала дочь падишаха.

Падишах велел позвать купцов, кадиев и писцов, но младшая дочь снова ушла во дворец.

Тогда были вызваны мастера, пахари, овцеводы, и младшая дочь падишаха бросила лесное яблоко в Мелик-Мамеда.

Визиры стали смеяться над ослиным всадником, а падишах рассердился и выгнал дочь из дворца. Она ушла к Мелик-Мамеду в его пастушью сторожку. Мелик-Мамед ходил для неё на охоту, рассказывал ей, о чём говорят травы, звери и птицы; они служили молодым, и не было на свете людей счастливей, чем Мелик-Мамед и его жена.

Тем временем над страной падишаха собиралась гроза. Давний враг падишаха окружил его крепости и разбил его войска. Визиры уже готовились перейти к врагу, а сам падишах приехал ночью к хранителю своих овец и попросил спрятать его.

Мелик-Мамед вышел в поле и сказал травам, чтобы они позвали ему на помощь зверей и птиц.

Звери и птицы сделали Мелик-Мамеда в тысячу раз сильнее, чем он был раньше. И когда вражеские войска утром подступили к дворцу падишаха, Мелик-Мамед поднял свой лук и натянул тетиву. Она задрожала и запела как никогда громко:

Дзинь-дзинь – готовься, стрела,
Дзинь-дзинь – догони, догони!

Впрочем, стрелам и не нужно было догонять обратившихся в бегство чужеземцев. Трава делала скользкой их обувь, а звери и птицы преследовали врагов Мелик-Мамеда, пока они все не исчезли.

Падишаху стало стыдно, что он так несправедливо относился к Мелик-Мамеду, он казнил изменников-визиров, а когда увидел на голове Мелик-Мамеда золотой хохолок, предложил ему своё падишахство. Мелик-Мамед отказался. Зачем, в самом деле, быть повелителем над людьми тому, кому принадлежит власть над травами, птицами и зверями?

Сыновья мельника и аждаха

(Аварская сказка)

Жил-был мельник. Воды возле его мельницы было вдоволь, своё дело он знал хорошо, и борода его всегда была покрыта мучной пылью. Когда мельник умер, два его старших сына захотели делить наследство. Как ни уговаривал их младший сын работать сообща, они не соглашались. Начали делёж.

– К чему мне вечно ходить с запыленной бородой, – сказал старший брат и выбрал себе канаву мельницы.

– Я тоже всегда вспоминаю отца с запыленной бородой, – откажусь-ка и я от такой жизни, – подумал средний брат и выбрал себе крышу мельницы.

– Ну что ж, – сказал младший брат, – пусть будет борода в пыли, лишь бы желудок знал муку, – и взял себе то, что осталось – старый, хорошо поработавший на своём веку жернов.

Старший брат лежал себе на траве возле канавы, средний грелся на солнышке на крыше мельницы, а младший работал в тени и пыли у жернова, и все, кто приходил на мельницу, оставляли ему немного муки.

Догадался старший брат, что он поступил как глупец, и со стыда решил уйти из родного селения. Шёл он, шёл и очутился, наконец, в сыром темном ущелье. В глубине ущелья

у родника лежал аждаха.

– Прохладной тебе воды, аждаха, – испугался сын мельника.

– Если бы не доброе пожелание, проглотил бы я тебя, – сказал аждаха.

– И на том спасибо, – ответил сын мельника.

– Послушай, храбрец, а не знаешь ли ты сказки или песни? – спросил аждаха.

– Нет, – отвечает сын мельника, – не знаю.

– А ведь люди, не знающие сказок и песен, – это добыча зверей, – сказал аждаха и одним махом проглотил сына мельника.

Второму сыну мельника надоело лежать на крыше мельницы, он тоже догадался, что был глупцом, и, как старший брат, ушел из селения и попал в брюхо аждахи.

Младший сын мельника, почуяв недоброе, не мог спокойно сидеть дома. Он отвел воду, остановил мельницу и отправился искать братьев.

Попав в ущелье, сын мельника увидел родник, захотел перепрыгнуть через него и очутился на спине аждахи.

– Прохладной тебе воды, аждаха, – не растерялся сын мельника.

– Если бы не доброе пожелание, проглотил бы я тебя, – ответил аждаха и спросил: – А знаешь ли ты песню или сказку?

– Как же не знать, – говорит сын мельника, – и песню знаю, и сказку, и небылицы, и многое другое, – выбирай, что хо-

чешь.

– Ну, у тебя, наверно, не небылицы, а быль, – сказал аждаха.

– Если быль – проглоти меня, если небылица – молчи, а не то вырежу у тебя ремень со спины.

– Вырезай, – согласился аждаха. – Ври, хоть полную торбу, а я смолчу.

– Ну, что ж, – говорит сын мельника, – давай я расскажу сперва, как я попал к тебе.

Я бы не попал, если бы не мои кобылицы.

В тот год, когда я их пас, вода высохла, и не было травы.

Погнал я кобылиц к реке, вижу, она скована льдом.

Взял я топор, пробил во льду дыру, – вижу – далеко до воды, не достанут кобылицы.

Снял я с плеч свою голову, опорожнил её и напоил всех кобылиц.

Если реке в ногах так холодно, подумал я, то, каково должно быть голове. Пошёл к истокам реки, нарубил кустарника, развёл костёр.

Реке стало теплее, но от моего костра случился пожар, – загорелась река, занялись берега, и все мои кобылицы убежали.

Схватил я топор, гляжу – в руках одно топорище, а обух сгорел.

Вспомнил я о своей голове, вернулся вниз по реке, а в черепахе пчёлы.

Тут сын мельника посмотрел на аждаху, тот хотел было что-то спросить, да вовремя вспомнил о своей спине.

– Ну, что ж, – говорит сын мельника, – кобылицы пропали, а жить надо. Надел я череп на шею, поймал носом двух оленей, мясо съел, шкуры на дерево повесил, дерево топором срубил, – сделал себе арбу.

Достал из черепа двух пчёл, а они жужжат и спорят между собой – кто больше мёда запасёт. Подрались пчёлы, и я их еле разнял. Этот спор, говорю, можно и без драки решить, – носите мёд, а там видно будет, кто из вас прав. Начали пчёлы носить мёд и нанесли так много, что у меня обе оленьи шкуры наполнились.

Погрузил я шкуры на арбу, в арбу впряг пчёл и поехал.

Вдруг одна из пчёл остановилась, и арба чуть не свернула в пропасть. Поднял я кнут, чтобы стегнуть пчелу, да погонялка задела землю, а кнутовище подбросило меня до самого неба.

Ухватился я за тучу, повис над землей. Туча летит, я за неё руками держусь, вижу – вода. Прыгнул, да очутился у тебя на спине, – там, где мне с тебя ремень рвать.

– Ну, это уж ты врёшь, – сказал аждаха.

– А вру, – так давай скорей ремень со спины. Аждаха видит, что ничего не поделаешь, – подставил спину.

Вырезал у него сын мельника полосу шкуры, сдирает ее до хвоста, видит – в брюхе у аждахи два его брата. Выручил сын мельника братьев и вернулся на мельницу.

С тех пор сыновья мельника стали работать вместе. А аждаха со стыда покинул родник и больше не появлялся в этих местах.

Сказка о Кара-Катыре (Кумыкская сказка)

Маленький Кара-Катыр был сыном рабыни. Его отец был хан, но у этого хана душа была так черна, что её никто бы не взялся ни мылом отмыть, ни ножом отскоблить, Родная мать Кара-Катыра давно умерла, а у мачехи душа была ещё чернее ханской, и маленький Кара-Катыр всегда был голоднее и грязнее самого последнего человека в ханском дворце. Потому-то его и прозвали так обидно: Кара-Катыр. Все знали, что это значит Чёрный ослёнок или грязный ослёнок – это ведь одно и то же.

В один из дней хан с чёрной душой отправился в поход. Навоевался он вдосталь и, когда стал для соседей страшней, чем самый страшный кот для мышей, решил вернуться домой. Ханские нукеры гнали впереди табуны лошадей, груженых добычей, а хан ехал сзади, глядел на дымящиеся города, которые он превратил в груды развалин, на огромные сады и поля, которые стали теперь принадлежать ему, и думал: «Эх, почему у меня нет других детей, кроме этого никому не нужного Кара-Катыра!

Было б у меня сорок сыновей, – в сорок раз больше взяли бы мы добычи.

В сорок раз больше людей!

В сорок раз больше коней!

Только размечтался так хан, как вдруг споткнулся под ним испуганный конь и точно из земли вырос рассерженный аждаха.

– Эй, хан! Твой конь наступил мне копытом на палец. Выбери теперь одно из двух: или коня, отдавай, или лучшее из того, что дома не знаешь!

Жалко стало хану коня, и он обещал то, о чём ещё не знал. А, оказывается, не знал хан о том, что как только он уехал из дому, жена подарила ему сорок сыновей. Они были так же черны душой, как и сам хан, и с нетерпением ожидали отца, чтобы вместе идти в набег и быть в сорок раз страшней для врагов.

Когда хан узнал об этом, ему стало жалко отдавать аждахе то, о чем он мечтал. Поэтому ханша приказала слугам привести Кара-Катыра, умыть его, одеть получше и выдать за одного из своих сорока сыновей.

Но аждаха заметил обман. Он рассердился и в ярости вонзил кинжал в гранитную скалу, на которой высился дом хана, а Кара-Катыра всё-таки увел с собой.

И вот, как только они ушли, хан почувствовал, что с ним творится что-то ужасное. Из гранитной скалы, пронзенной кинжалом, стала капать самая настоящая кровь, а хану казалось, что это он ранен ножом и что это у него льется кровь. Ему было больно, и он кричал, чтобы поскорее вытащили кинжал из скалы, но никто не мог этого сделать, и даже са-

мым сильным людям не удавалось шевельнуть клинком.

Тем временем аждаха решил разделаться с сыном обманувшего его хана.

– Давно уже, – сказал он Кара-Катыру, – я хотел жениться на красавице Бермес – дочери Алмас-хана. Иди и найди её для меня.

Всякий, кто хоть краем уха слышал о красавице Бермес, понимает, конечно, что аждаха послал Кара-Катыра на верную смерть. Найти хана и его дочь не может никто. Недаром и зовут их так: Алмас и Бермес. Если назвать иначе, получится: Неведомая дочь и Невиданный хан. А попробуй-ка найди того, кого никто не видал, и приведи ту, о ком никто не ведал!

Бедный Кара-Катыр знал об этом. Но послушаться аждаху нельзя, и он не сказал ни слова и пошел за дочерью хана Алмаса в сторону, куда заходит вечером солнце.

Он шёл так долго, что у него совсем износились башмаки, и сам он стал ещё тоньше и невзрачней, чем прежде. В сумрачном песчаном краю, в котором очутился Кара-Катыр, не было ничего живого и из земли торчали только несколько кустиков колючей тобургу да сухой обгорелый пенёк.

На душе у Кара-Катыра было тоскливо. Он был самый одинокий и самый несчастный мальчик на свете.

В отчаянии он подошёл к обгорелому иссохшему пню, обнял его и заплакал:

– Эх, старый кривой пенёк! Ты такой же чёрный и некра-

сивый, как и я. И никому мы с тобой не нужны.

Он поцеловал обрубок дерева, и тогда к его изумлению вокруг стало светлее, черный обгорелый пенёк превратился в столетнего доброго пастуха, а колючие кусты тобургу стали овечками. Они радовались освобождению, резвились на воле, хватали губами песок.

– Здравствуй, Кара-Катыр, – сказал старый чабан. – Ты добрый и хороший мальчик, и я хотел бы помочь тебе. Какие заботы печалят тебя?

– Салам алейкум, дедушка! – почтительно ответил Кара-Катыр. – Я ищу Бермес, дочь Алмас-хана.

И он рассказал пастуху, как плохо жил он у своей мачехи, как попал к аж-дахе, и как послал он его туда, откуда ещё никто не возвращался.

– Не горюй, Кара-Катыр, – сказал старик, – ты вернешься домой. Будь только таким, как до сих пор, постарайся понравиться пяти моим сыновьям, с которыми ты скоро встретишься, и на обратном пути обязательно побывай у меня. А теперь – прыгай поскорей через пенёк и иди за своей Бермес.

Он снова стал пеньком, мальчик прыгнул, и пенек и кусты тобургу вдруг исчезли, вокруг появились деревья и птицы на них, а сам Кара-Катыр очутился на берегу ручья и чуть не закричал от восторга – такой он вдруг стал сильный, рослый, красивый. Это он сам себя, точно в зеркале, увидел в воде.

Кара-Катыр пошел вниз по ручью и вскоре увидел похрустывающую жерновами мельницу и гладкое озеро, отделен-

ное от реки плотиной. На берегу озера лежал обсыпанный мукой мельник и, фыркая и отдуваясь, глотал воду целыми бочками.

Ещё немного, – и он выпил бы всё озеро до капли. Но тут Кара-Катыр заметил в воде ветку шиповника с тысячью острых колючек. В одно мгновение юноша очутился в воде, откинул ветку и, мокрый, запыхавшийся, выскочил на берег.

– Здравствуй, мельник, – сказал он, улыбаясь, – ты мог поцарапать себе горло шипами.

– Алейкум салам, богатырь, – ответил мельник. – Спасибо тебе за услугу.

Кара-Катыр сперва даже не понял, кому это ответил мельник, никто ведь не называл его богатырем, – всё ослёнок, да грязный Катыр. Но мельник говорил ему, и Кара-Катыр понял, что это и есть один из пяти сыновей доброго пастуха. Беседуя, они понравились друг другу, и мельник решил проводить своего приятеля до дворца Алмас-хана.

Когда они выходили из леса, Кара-Катыр заметил охотника, целившегося в орла. Это был такой ловкий птицелов, что он в один миг и совсем незаметно умел связать волоском ноги двух быстро летящих сорок, а стрелой с первого же раза и с любого расстояния мог попасть даже в муравья. Но сейчас ловкости охотника мог наступить конец, потому что сзади подползала змея, и он её не видел. Не раздумывая, Кара-Катыр бросился вперёд, оттолкнул охотника и задушил змею.

– Спасибо тебе, богатырь, – сказал стрелок.

– И от меня спасибо, – добавил мельник. – Это ведь мой младший брат.

Все трое были довольны и решили продолжать путь вместе. В степи им повстречался странный пастух. Он скакал только на одной ноге, так как другая у него была заткнута за пояс, но даже и на одной ноге пастух бежал так быстро, что на ходу умудрялся доить самых быстрых оленей. Оказывается, если б одноножка стал и на вторую свою ногу, он перегнал бы и косуль, и ветер, и всё что угодно. Занятый своими оленями, бегун не заметил, как сбоку наперерез ему мчался дикий кабан с огромными острыми клыками. Ничто, казалось, не могло уже спасти одноножку, но Кара-Катыр успел выхватить нож и метнул его зверю в самое сердце. Олений пастух остановился и сказал:

– Да будет удача тебе, богатырь. Спасибо, что спас меня от дикого зверя.

– И от меня спасибо, – сказал охотник. – Это ведь мой младший брат Бегунок.

Кара-Катыр обрадовался, а Бегунок присоединился к друзьям, и их стало четверо. К вечеру они увидели человека, который, приложив ухо к земле, вслушивался во что-то, но тщетно, так как над головой его звенел комар. Кара-Катыр на лету поймал комара, и человек послушал еще немного, а потом сказал:

– Спасибо тебе, богатырь! Наконец-то я расслышал слово, которое хотел мне сказать с другого конца земли мой прия-

тель.

– И от меня спасибо, – сказал Бегунок.

Оказывается, это был его младший брат – Соловьиные уши. Друзья взяли его с собой, и пошли вместе к городу Алмас-хана. Неподалеку от него они увидели худого рыжего волка. Кара-Катыр хотел было метнуть в него стрелой, как вдруг заметил огромного, приготовившегося к прыжку тигра. Кара-Катыру стало жалко голодного волка, и он пустил стрелу не в него, а в тигра.

– Спасибо, человек, – сказал волк, – я тебе ещё пригожусь.

– И от меня спасибо, – сказал Человек–Соловьиные уши. – Это ведь мой младший брат.

И вот Кара-Катыр и с ним все пятеро братьев – мельник, чудесный стрелок, Бегунок, Человек–Соловьиные уши и рыжий волк вошли в город Алмас-хана. Сейчас же за воротами города они постучались к бабушке Ажай – самой бедной старушке во владениях Алмас-хана. Она поделилась с гостями последней горстью муки, а когда узнала, что Кара-Катыр пришёл за красавицей Бермес, испугалась и принялась уговаривать друзей отказаться от этой затеи.

– Знаешь ли ты, Кара-Катыр, – говорила она, – что никто ещё и никогда не уходил от Алмас-хана живым.

Оказывается, этот хан всем, кто приходил за его дочерью, ставил невыполнимые задачи. Прежде всего, надо было побороть самую злую собаку из его своры, а потом перегнать в беге ведьму Энем, которой сами черти помогали мчаться

быстрее вихря. Наконец, если бы кто-нибудь и сумел справиться с этими двумя задачами, надо было испытать и третью – провести одну ночь в железной, раскаленной почти докрасна комнате. Ну, а этого, конечно, уже не мог вытерпеть никто, – даже самые старые повара, которые всю свою жизнь стояли у горячей плиты.

Кара-Катыр понимал, что никакой надежды выполнить эти три задачи у него нет, но возвращаться без красавицы Бермес он не мог, и, кроме того, ему обещали помочь пятеро его друзей. Поэтому, как только наступило утро, бабушка Ажай отправилась к Алмас-хану и сказала ему, что за его дочерью пришел какой-то джигит и его пять друзей.

– Вай, машалла! – обрадовался Алмас-хан. – Давно у нас не было такой славной забавы. Ну-ка, приведите мою самую злую собаку!

Тут вышел вперед рыжий волк и, стараясь выглядеть ещё несчастней и голодней, чем он казался, проговорил:

– Будь справедлив, Алмас-хан. Разреши сперва мне померяться силами с четвероногим, а потом уж пусть схватится с ним и Кара-Катыр.

Хан посмотрел на худого и заморенного волка и рассмеялся, а самая злая собака испугалась и убежала. Волк догнал её одним скоком и растерзал.

– Эй, слуги, скорей позовите сюда Энем! – крикнул побледневший Алмас-хан.

Это ведь впервые нашлись смельчаки, которые уцелели

после первого ханского испытания.

– Справедливый хан, – сказал тогда олений пастух, – реши мне вместо Кара-Катыра потягаться в беге с твоей Энем.

Хан посмотрел на бегуна, у которого одна нога была заткнута за пояс, и засмеялся – где уж одноножке догнать Энем! Тогда олений пастух побежал вперед, а Энем сперва захватила кувшин вина и еду, а потом в один миг догнала одноножку и побежала чуть впереди его.

Хан и Кара-Катыр забрались на высокую башню и видели, что ему никак не догнать Энем.

В полдень бегуны остановились далеко в степи, чтобы отдохнуть, а потом бежать назад. Энем достала еду и вино, напоила одноножку, а когда он заснул, покинула его.

Хитрая ведьма была уже совсем близко от города и Кара-Катыру и его друзьям грозила бы верная смерть, но тут ловкий охотник поднял лук и спустил тетиву.

Чуть свистнув, стрела помчалась к заснувшему оленьему пастуху и со звоном разбила пустой кувшин у его головы. Одноножка проснулся и, увидев, что Энем перехитрила его, отвязал от пояса свою вторую ногу и в три скака обогнал ведьму и всех чертей, которые ей помогали.

– Эй, слуги, – испугался Алмас-хан, – скорей разжигайте костры, раскалите добела железную комнату для гостей.

Хан знал, что теперь уж шестерым друзьям от него не уйти, и Кара-Катыр загрустил.

– Не унывай, товарищ, – шепнул мельник. Он пошел к морю, осушил его в семь глотков, а вечером первый вошел в пекло и стал фонтанами разбрызгивать всю выпитую днём воду и плавающих в ней рыб. Раскалённая железная комната сразу остыла, а рыба сжарилась, так что друзья смогли хорошо поужинать и в приятной прохладе спали до утра.

Узнав об этом, Алмас-хан пришел в ярость и созвал всех своих визиров и советников, чтоб они придумали способ умертвить Кара-Катыра.

– О, подобный самому богу повелитель, – сказал главный визир, – позови сегодня Кара-Катыра и его друзей к себе на пир и вели подсылать в их кушанья яду. И когда уста твои будут наслаждаться чудесными яствами, пусть глаза наслаждаются мучениями и смертью твоих врагов.

Визир говорил всё это хану на ухо, шёпотом, чтобы их никто не слышал, но друг Кара-Катыра – Человек–Соловьиные уши – не даром имел такой тонкий слух, – он слышал всё и предупредил друзей. А юркий охотник-птицелов не даром был такой ловкач, что на лету умел связать ниткой двух быстрых сорок, – он незаметно переменял кушанья, и отрава очутилась на блюдах хана и его визиров.

Так был наказан Алмас-хан и его слуги, а красавица Бермес досталась Кара-Катыру.

Он собрал все добро Алмас-хана, часть дал старушке Ажай, а остальное навьючил на целый табун лошадей и отправился в обратный путь.

У места, где друзья встретились с волком, Кара-Катыр распрощался с ним и оставил ему шестую часть богатства Алмас-хана и его людей. Потом он распрощался с другими своими друзьями и всех одарил, а сам с Неведомой дочерью Невиданного хана прибыл, наконец, к месту, где увидел когда-то чёрный обгорелый пенёк.

– Салам алейкум, дедушка! – поклонился он старому, столетнему пастуху. – Я сделал всё так, как ты советовал.

– Здравствуй, богатырь, – ответил пастух. – Возьми у меня в знак дружбы одну из моих овечек и возвращайся к пославшему тебя аждахе. Помни только одно – когда он захочет наградить тебя, не бери ни стальных мечей, ни ятаганов с дорогими в алмазах рукоятками, а возьми самый плохонький клыч с выщербленным клинком и не слушай никаких уговоров.

Кара-Катыр поблагодарил пастуха, а потом перескочил через обгорелый пенек и вмиг очутился перед аждахой.

– Это ты, Кара-Катыр? – удивился он. – Ты сумел, оказывается, привести мне Бермес – дочь Алмас-хана? Ну что ж, будь теперь свободен и выбирай в награду любое мое оружие.

Он подвел юношу к стене, на которой висели острые ятаганы, украшенные драгоценными камнями, синеватые кинжалы из дамасской стали, чудесные амузгинские клинки и самые лучшие в мире сабли. У Кара-Катыра даже дух захватило от всего этого великолепия, но он помнил совет пастуха и выбрал самый тупой, изъеденный ржавчиной клыч. Сколь-

ко ни уговаривал его аж-даха, как ни смеялся, – Кара-Катыр стоял на своем.

Тогда аждаха рассердился и прогнал Катыра, а красавицу Бермес потащил к себе.

– Мой храбрый Кара-Катыр, – кричала она, – не оставляй меня! Спаси от этого ужасного аждахи, возьми с собой!

Кара-Катыр бросился на помощь, и он бы погиб в неравной борьбе, да аж-даха уже скрылся в своем логове, а вход в него завалило огромной скалой.

Кара-Катыр оказался ни с чем. Только и остались у него – маленькая овечка, да вот этот, никуда не годный клыч, которым, наверно, даже масло нельзя разрубить.

Юноша в досаде взмахнул клинком, полоснул им скалу и вздрогнул от неожиданности – этот паршивый клыч расколол каменную глыбу точно орех, и внутри оказалась ослеплённая дневным светом сова. Тяжело хлопая крыльями, она поднялась в воздух. Кара-Катыр пронзил её стрелой, и к его ногам упали три зеленоватых яйца. Кара-Катыр поднял их, и в тот же миг перед ним появился испуганный, дрожащий аждаха. Таким его ещё никто никогда не видел.

«Эге, – подумал Кара-Катыр, – в этих совиных яичках заключено, видно, что-то очень важное для этого чудовища. Дай-ка я раздавлю одно».

Он так и сделал, и аждаха упал на землю и стал умолять: – Мой ненаглядный, добрый Кара-Катыр! Не губи меня. Я сделаю всё, что прикажешь.

Кара-Катыр приказал сейчас же отдать красавицу Бермес и все сокровища, какие только имеются у аждахи.

Не прошло и секунды, как всё это очутилось перед Кара-Катыром. Тогда он раздавил второе яйцо, и аждаха совсем ослабел и пролепетал:

– Пощади, богатырь... Лучше прикажи что угодно... Кара-Катыр приказал, чтобы он сам, его Бермес и все сокровища перед ним сейчас же оказались дома и чтобы все его встречали и видели, какой он герой.

Не прошло и секунды, как всё это исполнилось и Кара-Катыр очутился перед домом своего отца.

Рядом с ним стояла невиданной красоты девушка, чуть впереди – овечка, подаренная пастухом, а вокруг лежали несчитанные сокровища.

Поодаль, как побитая собака, сидел аждаха и ждал малейшего движения своего повелителя. Кара-Катыр сжал рукой третье яйцо, и аждаха испустил дух.

Весь народ узнал бывшего Грязного ослёнка и удивился – такой он стал красивый и сильный. Потом все бросились к юноше и рассказали ему, что случилось за время его отсутствия. Рассказали, как аждаха отомстил хану с чёрной душой, как до сих пор капает кровь из гранитной скалы, в которую он вонзил нож, и как с каждым днём теряет последние силы вероломный отец Кара-Катыра.

Тогда Кара-Катыр подошёл к скале, легко вынул тот самый клинок, который не могли даже пошатнуть прославлен-

ные силачи. Все поразились и закричали: «Слава Кара-Батыру! Слава!»

С этих пор бедного заморыша стали называть по-новому. Он был рад, потому что, конечно, гораздо приятнее называться Грозным Катыром, чем Грязным Катыром.

На следующий день Кара-Катыр женился на красавице Бермес и устроил всеобщий пир. Все радовались его счастью и любили его. Только злая мачеха и её сыновья пуще прежнего ненавидели Кара-Катыра. У них даже печёнки позеленели от зависти, и ханша каждый день уговаривала мужа, чтобы он послал сорок её сыновей к старому пастуху за золотыми овечками, а пасынка – в страну холодных теней к его дедам и прадедам.

– Как же я могу послать Кара-Катыра на верную смерть, – говорил хан, – когда он спас мне жизнь и вынул этот проклятый кинжал аждахи.

Но ханша с каждым днём всё сильнее уговаривала хана, а у него недаром была чёрная душа, и поэтому в один из дней он призвал к себе сорок своих сыновей от второй жены и одного сына от первой и сказал им:

– Готовьтесь в дорогу, сорок моих сыновей. Пора вам искать себе жен. Пусть, как и Кара-Катыру, поможет вам старый пастух с его волшебным овечьим стадом.

– А тебе, Кара-Катыр, – продолжал хан, – придётся проститься с красавицей Бермес. Мой покойный отец, уходя в страну теней, забыл сказать мне – кем бы он хотел видеть

своего внука, когда тот подрастёт. Иди и спроси.

Сыновья хана с чёрной душой вышли из дворца и пошли туда, где начинается ночь, а Кара-Батыр – туда, где кончают свой путь все, кто когда-либо жил на земле.

За воротами города Кара-Батыр заметил, что следом за ним бежит овечка, подаренная ему добрым пастухом. Как ни отгонял он её, как ни уговаривал вернуться домой, – она не отставала.

«Что ж, – подумал Кара-Батыр, – может быть, веселей мне будет с нею в пути». И он остановил коня и поднял овцу к себе на седло. Так ехали они вперед, и с каждым шагом коня дорога становилась все длиннее, а овца беспокойней. Наконец, в предгорье, где не было ни одной травинки, она вырвалась из рук всадника и побежала к безжизненной серой скале. Здесь среди огромных камней она привела Кара-Батыра к входу в глубокую холодную пещеру, круто уходящую вниз.

«Может быть, это и есть вход в таинственную страну теней», – подумал Кара-Катыр.

Он стреножил коня и смело шагнул в тёмный зев подземного царства. Чем дальше он шёл, тем черней становилась темнота и холоднее ледяной холод.

– Э-ге-ге! – крикнул Кара-Батыр. – Где ты, отец моего отца? Отзовись!

«Отзовиись!» – тысячу раз повторило эхо. Но никто не ответил, и ни одной тени не появилось близ Кара-Катыра. Зато сам он с ужасом почувствовал, как окаменел до колен.

– Э-ге-гей, отец моего отца! – повторил он, и снова никто не ответил, а каменная мертвизна сковала его уже до пояса.

Кара-Катыр не мог уже даже пошевелиться, но он собрал последние силы и крикнул ещё громче прежнего:

– Э-ге-гей, отец моего отца! Отзовись! Это я, дедушка!

– Зачем ты нарушил мой покой, сын моего сына? – спросили Кара-Катыра из темноты.

Юноша догадался, что это его дед, обрадовался и рассказал ему, что он только по приказу отца и мачехи решился потревожить его покой.

Дед простил Кара-Катыра, научил, как ответить отцу, и сказал:

– Теперь уходи.

Каменная половина туловища Кара-Катыра стала такой, какой была прежде.

Он вышел из страны теней и с лёгким сердцем отправился в обратный путь.

Между тем в то время, когда он был уже совсем недалеко от родного города, его сорок братьев по отцу еле добрались до песчаной степи, где их заморыш когда-то встретился со старым пастухом. Они были ленивы и тяжелы – где уж им тягаться с Кара-Катыром!

Вокруг царили пески и сумрак, а братья с трудом нашли кустики колючей тобургу и сухой пенек, о котором рассказывал Кара-Катыр.

– Эй, проклятый прокопченный пень, – закричали они и

взмахнули кнутами. – Давай нам поскорее такие же подарки, как и этому паршивому Кара-Катыру.

И вот чёрный обгорелый пенёк превратился в столетнего пастуха, только лицо у него теперь было злое и вместо овец вокруг скакали козлы – худые и препротивные.

– Берите скорей по козлу да прыгайте через меня, – крикнул старик и снова стал иссохшим пнём. Вполголоса, так, чтобы никто не слышал, он добавил: «Да быть вам тем, чем должны быть выродки чёрного хана!»

Братья, не сходя с коней, подхватили козлов и один за другим перескочили через пенек.

Страна заходящего солнца исчезла, а в городе хана с чёрной душой, на площади, где народ встречал Кара-Катыра, один за другим, точно из-под земли, появились сорок сыновей мачехи Кара-Катыра.

Увидев их, все засмеялись, потому что козлы, которых они привезли, были худы и изъедены язвами. Братья слезли с коней и вдруг у всех на глазах стали вдвое меньше, затем на головах у них появились самые настоящие козлиные рога, а на руках и ногах – копыта. Они стали такими же противными козлами, как и те, которых они привезли. Вместе с ними они кинулись в сторону и мигом схватили и сено и листья и всё, что было зелёного поблизости.

– Гоните их вон! – закричали люди, и козлы скоро скрылись далеко за стенами города.

А Кара-Катыр обнял свою Бермес и вместе с ней пошёл в

ханский дворец.

– Хотите знать, что сказал мне отец моего отца? – спросил Кара-Катыр. – Он сказал мне: будь ханом!

– Хорошо, будь ханом, Кара-Катыр, – отвечали мачеха и отец, – только не повторяй сейчас того, что он велел передать нам.

– Нет, я повторю, – засмеялся Кара-Катыр. – Он велел сказать: будьте вы свиньями!

Как только Кара-Катыр произнёс эти слова, хан с чёрной душой и его злая жена превратились в диких кабанов и убежали в лес.

От них, говорят, и пошла свиная порода.

А Кара-Катыр и его Бермес поселились в ханском дворце и стали жить на радость и на славу.

Победитель нартов (Аварская сказка)

Жил-был один бедняк со своим единственным сыном. Ничего у них в хозяйстве не было, кроме одной худой, покрытой коростой кобылы.

Все обижали бедняков, и всех они боялись. Вот сын однажды говорит отцу:

– Если бы был у нас хороший конь, я бы тоже наверно мог стать храбрецом.

– А чем наша кобыла не конь? – говорит отец. – Надо только её откормить.

Покинули они родное селение, отправились в горы. Пустили кобылку на вольные луга, а сами стали жить в пещере.

Прошло время воды, наступило время солнца, кончился месяц оводов, пришёл месяц ночей, – отец и говорит сыну:

– Выгляни-ка, сын, из пещеры, – не белеет ли где, не чернеет ли что?

– Всё бело вокруг от белого снега, – отвечает сын, – а чёрный только валун какой-то на горе.

– Это и есть наша кобылка, – говорит отец. – На тебе уздечку, – приведи её!

Пошёл сын на гору и удивился, – стала кобылка крепкая, как медведь, да плотная, как барсук.

Вернулись отец и сын в родной аул, стали служить хану – отец табунщиком, сын на конюшне.

У хана была красивая дочь. Табунщик стал замечать, что дочь хана чаще стала поглядывать на лошадей. Ну, говорит, теперь самое время моему сыну стать храбрецом.

Однажды отец и сын услышали от людей, что соседний хан собирается угнать табун лошадей их хана. Когда они сказали об этом хану, тот рассердился и стал собирать войска.

«Я ведь не воин, не нукер, а всего лишь только конюх, – подумал сын бедняка, – останусь дома, погляжу лучше на ханскую дочь». Но, как он ни уговаривал себя, а утерпеть не смог, – тайком оседлал свою черную кобылку и поскакал догонять воинов. В один миг сын бедняка очутился в огне битвы – сам одного сразит, кобылка двоих. Все только диву даются. Кончилась схватка, и сын бедняка сейчас же ускакал. Кинулись в погоню, но не догнали, – так его никто и не узнал.

Вернулся хан домой и говорит дочери:

– Быть бы нам разбитыми, если бы не неизвестный воин на чёрном коне. Такого храбреца я еще никогда не видел.

Дочь хана вспомнила, что пастух куда-то выезжал на чёрном коне, но ничего не сказала.

Прошло некоторое время и снова пошла молва, что на хана собирается другой враг. Хан приказал воинам собраться и выступил в бой.

«Куда мне с нукерами, – подумал сын бедняка. – Я не воин, я конюх, – останусь лучше дома, погляжу на ханскую

дочь».

Но как ни уговаривал он себя, – не утерпел, – вскочил на свою кобылку и поскакал.

И снова он появился, когда хану приходилось плохо. Счет сын бедняка и рубит – одного сам сразит, двух кобылка потопчет.

Хан решил, что если он и сегодня не узнает, кто этот храбрец, то до следующей битвы его, пожалуй, и наградить не придётся. На поле ещё клубилась пыль схватки, а хан уже ни на шаг не отставал от храброго воина. Так и узнал, что это его пастух.

На радостях хан созвал всех своих визирей и советников – позвали муллу, пригласили кадия и повенчали сына бедняка с дочерью хана.

Целую неделю продолжался свадебный пир. Дочь хана была довольна, что её мужем будет такой герой, но это был всё-таки простой конюх и, когда они остались одни, она спросила:

– Неужели на свете больше уж нет храбрецов, храбрее тебя? Вот если бы ты нартов победил, тогда б был храбрец!

Сын бедняка обиделся, не сказал ни слова, а наутро вскочил на свою кобылку и покинул родной аул.

Ехал он ехал, миновал и долины, и горы, проехал леса Тлебеяла, переправился через реки Ин и Дин, доехал как от меня до тебя, как от носа до рта, как от Каха до Хари-коло, и очутился у огромной жёлтой горы. На склонах горы бро-

дили отары овец, но зелени нигде не было. Рядом была другая гора, на ней росло много травы, но не было овец. Между горами сын бедняка увидел стоянку, а на ней нашёл пастуха Ухая и его жену. Ухай был безглазый, а жена его – безногая. Поздоровался сын бедняка и спросил:

– Где в этой стране богатые, Ухай, а где воины?

– Хочешь богатства, – отвечает Ухай, – скачи за жёлтую гору, хочешь войны – за зелёную.

Сын бедняка поскакал за зелёную гору, добрался до её вершины, пустил лошадь пастись на зелёные луга, а сам лёг спать.

Только заснул, как услышал громовой голос:

– Кто пасётся на моей траве? Кто лежит на моей горе? Сын бедняка вскочил и видит, что на него идёт страшный нарт-великан. Сын бедняка не испугался и начал бой. Где он один раз ударит, там его кобылка два – убили они нарта, а одежду побежденного сын бедняка, как полагается, взял себе.

К вечеру сын бедняка вернулся на стоянку Ухая. Жена Ухая, как увидела отобранную у нарта одежду, так и заплакала. Это, говорит, одежда моего сына, – его убили нарты.

Провёл ночь сын бедняка на стоянке Ухая, а наутро спрашивает:

– Где сильные люди, Ухай, в этой стране, а где ещё сильнее?

– На той горе, где ты был, – отвечает Ухай, – вчера были сильные люди, а сегодня ещё сильнее.

Сын бедняка вскочил на коня, в один миг перемахнул через гору и очутился у огромного дома, окружённого высокими стенами.

Одним ударом он распахнул ворота и въехал во двор. У входа в дом сидели два нарта.

– Зачем ты явился на нашу гору, над которой даже птицы не смеют пролетать? – рассердились нарты.

– Поэтому-то я и пришёл сюда, что ищу, с кем сразиться, – ответил сын бедняка.

Нартам захотелось устрашить человека, и один из них сказал:

– Видишь эту скалу, – хочешь, я столкну её головой?

– Хочу, – сказал сын бедняка. «Пусть хоть один из этих великанов раскроит себе голову», – подумал он.

Нарт разбежался, ударил головой скалу, столкнул её с горы, а сам отошёл, как ни в чём не бывало.

– Видишь эту железную оглоблю, – говорит другой нарт, – хочешь, я закину её до неба и удержу головой.

– Хочу, – сказал сын бедняка, а сам подумал: «Может быть, хоть этот расшибёт себе голову».

Нарт взял железную оглоблю, огромную как дуб, подбросил её так высоко, что и не видно было, а затем задержал у края горы своей головой, а потом отошёл, как ни в чём не бывало.

– Видите вот этого коня, и видите меня на коне, – сказал сын бедняка нартам, – садитесь и вы друг на друга и давайте

биться.

Начал сын бедняка бой, бился с утра до вечера, но только младшего нарта смог убить, – старший был таким твёрдым яйцом, какое никому не разбить.

Когда старший нарт остался один, ему стало легче, – он схватил сына бедняка, сорвал с коня и так бросил, что человек по колено в землю вошёл.

– Вот ты уже побежден, – сказал нарт и взялся за меч, чтобы срубить побеждённому голову.

– погоди хвалиться победой, нарт, – сказал сын бедняка.

Он схватился за хвост своей кобылки и вылез из земли.

– Вот, – говорит, – я из-под земли сумел выбраться, – сумей ты из-под воды.

Пошли они к морю, покрытому толстым льдом, залез нарт в воду, думал пробить лёд снизу, но не смог – только голова надо льдом торчит.

Взялся сын бедняка за меч, чтобы срубить нарту голову, а нарт говорит:

– Ничего ты этим мечом не сделаешь. Вернись лучше в наш дом, принеси мой меч.

Пошёл сын бедняка за мечом нарта, вошёл в дом, видит – лежат чьи-то глаза и нос. Захватил их с собой и пошёл к нарту. Нарт взмолился:

– Всё равно мне помирать, – так будь хоть ты нартом: разрежь мой живот, съешь оттуда кусок сала – будешь огромным как нарт, опояшься моей кишкой – будешь крепким как

нарт.

Отрубил сын бедняка голову нарту, сломал лёд, добрался до живота, вырезал сало и кишку и только собрался сделать по-нартовски, как услышал голос жены Ухая:

– Брось сало, человек! – закричал её нос.

Сын бедняка бросил сало, его подхватила бежавшая мимо собака и сейчас же издохла.

– Брось кишку, человек! – закричали глаза Ухая.

Сын бедняка бросил нартовскую кишку, она опоясала крепкое дерево, врезалась в него и раздавила надвое.

Сын бедняка понял тогда, что нос и глаза, которые он нашёл в доме нартов, принадлежат Ухаю, и вернулся на стоянку. Ухай вставил в глазницы свои глаза, его жена перестала быть безносой, и обрадованные они рассказали сыну бедняка, как всё случилось.

– Видишь ли, – рассказал Ухай, – жена моя всегда надоела мне своим носом. И совала она его, куда не надо, и сопела днём, и храпела ночью – никак не давала спать. «Что это у тебя за нос такой, противный, – сказал я однажды, – всё время сопит». – «Право, мне и самой обидно, что у меня такой нос, – сказала жена, – не нужен он мне!» Взяла, да и отрезала его и выбросила подальше. Я, как увидел жену без носа, так и сказал: «К чему мне глаза, если передо мной всегда будет это безносое лицо!» Вынул свои глаза и выбросил их вон. А как они попали к проклятому нарту, – и сам не знаю.

Сын бедняка помог Ухаю и его жене перегнать овечьи ота-

ры с жёлтой горы на зелёную, а потом отправился в обратный путь.

Он оставил и реку Дин, и реку Ин, миновал и доли, и горы, и доехал, наконец, до родного аула. Обрадовалась его жена, что приехал храбрец, победивший нартов, обрадовался хан, но ещё больше обрадовался отец бедняка.

Хан собрал людей со всего ханства и устроил пир ещё лучше прежнего.

Сын бедняка стал жить со своей женой, и у них пошли сыновья, похожие на отца, и дочери, похожие на мать. Они живут и сейчас, не зная ни беды, ни горя, как и жить бы да поживать всем людям на свете.

Синяя птица

(Даргинская сказка)

Жил-был хан. У хана было три сына. По пятницам хан правил страной, а все остальные дни ходил на охоту.

Однажды, когда хан был на охоте и выслеживал в лесу зверя, над деревьями появилась синяя птица. От неё шёл такой блеск, что в чаще стало светло, как в поле.

Хан взглянул на синюю птицу и ослеп. Он опечалился и еле-еле нашёл дорогу домой.

В пятницу, когда люди пришли в совет, хан не вышел к народу.

Тогда сыновья сказали хану:

– Отец, нет ли лекарства от твоей слепоты?

– Есть, – сказал хан, – надо только достать перо синей птицы.

Братья решили отправиться на поиски. Сперва пошёл старший брат. Он обошёл половину света, но ничего не нашёл. Второй брат обошёл вторую половину света, но тоже ничего не нашёл.

Тогда в путь собрался младший брат.

Как ни уговаривал его отец не тратить зря молодые годы, сын не послушался.

Много ли, мало ли ходил по свету сын хана, но очутился,

наконец, в утренней стороне и увидел слепого старика с белой бородой. Он пас овец и так искусно управлялся с ними, точно был зрячий.

– Лёгкой тебе работы, отец, – сказал сын хана. – Ты живёшь в тёмном мире, а работаешь, как в светлом. Но обладаешь ли ты пером синей птицы?

– Нет, – отвечал старик, – синюю птицу найти невозможно. Лучше вернись домой.

Но как ни уговаривал пастух юношу вернуться домой, тот говорил:

– Нет, мой отец не для того породил меня на свет, чтоб я так легко отступал от задуманного!

Тогда пастух сказал:

– За этой горой, за чужой горой у моего старшего брата есть загон для его табуна. Вот тебе уздечка, – будут кони к вечеру собираться в загон – примеряй; к чьей голове подойдёт уздечка, ту лошадь и бери – она тебя на край света донесёт.

Сын хана так и сделал.

Поехал он за ту гору, перевалил за чужую, очутился на дневной стороне, нашёл там лошадей, примерил к каждой уздечку и приобрёл такого коня, какого ещё ни один богатырь не имел.

Объехал сын хана полсвета, и вдруг конь заговорил по-человечьи:

– Держись теперь, богатырь, крепче! За этой стеной –

вечерняя сторона. Как прискачем мы с тобой ко двору её падишаха, привяжи меня к железному столбу, а сам иди в дом. Сумеешь держать себя достойно, узнаешь, где синяя птица. Не сумеешь – пеняй на себя.

Перелетел конь через высокую стену и в один миг очутился перед дворцом падишаха. Падишах увидел сына хана и закричал:

– Эй, слуги! Почему человек с той стороны появился там, где ещё ничто живое не бывало?

– Если он в твоём дворе, значит он твой гость, падишах, – отвечают слуги.

Сын хана вывел коня на середину двора и привязал к железному столбу.

– Эй, слуги! – закричал падишах. – Почему человек с той стороны оставил коня там, где ещё ничто живое не бывало?

– Если конь у твоего столба, падишах, – отвечают слуги, – значит этот человек твой гость.

Подшли слуги к сыну хана, повели его в кунацкую, а падишах вызвал своих нукеров и сказал:

– Эй, нукеры! Почему человек с той стороны остался жив там, где ещё ничто живое живым не оставалось?

– Если он в твоём доме, падишах, – отвечают нукеры, – значит, он твой гость.

– Ну, что ж, – согласился падишах, – сделайте гостю в моём доме всё по-царски, а покинет дом – по-рабски!

Сын хана хорошо знал обычаи. Он держал себя с падиша-

хом достойно, но из дома не выходил, – так нукерам ничего и не удалось с ним сделать. Тогда падишах сказал:

– Неужели нет ещё на свете места, где бы ты ни хотел побывать?

– Есть, – отвечает сын хана, – это там, где живёт синяя птица.

– Синяя птица живёт в небе над этим столбом, – сказал падишах, – но только ничто живое не могло ещё туда подняться.

– А я всё-таки попробую! – сказал сын хана.

Он вышел к своему коню и попросил, чтобы тот поднялся над железным столбом.

– Ну, держись ещё крепче, богатырь, – сказал конь, – и не выпускай синюю птицу, как бы она ни просила. Разве только ради меня попросит, – тогда отпусти.

Сын хана ещё тесней прижался к коню, а когда высоко в небе на железном столбе вспорхнула синяя птица, он зажмурил глаза, схватил её, прижал к груди и понёсся к земле.

– Пожалей меня, богатырь, – отпусти! – молила синяя птица. Но сын хана ещё крепче прижал её к груди.

– Отпусти меня ради своего слепого отца, – молила синяя птица.

Ради отца юноша хотел было уже отпустить синюю птицу, но вовремя вспомнил слова коня.

– Ну, тогда отпусти меня ради твоего коня, и я буду твоей подругой, – сказала синяя птица.

Сын хана выпустил синюю птицу из рук и очутился во дворе падишаха.

Здесь синяя птица ударилась оземь и превратилась в красивую девушку в синих одеждах. Падишах с завистью смотрел на неё, но ничего сделать не мог. Гость падишаха с синей птицей отправился в обратный путь.

Много ли он ехал, мало ли, но, миновав и чужие горы, и свои, возвратился домой.

Хан в великой радости встречал молодых, потому что в тот самый миг, когда его сын схватил синюю птицу, к нему вернулось зрение.

Сыграли свадьбу, и не было ещё в том краю невесты красивей, чем девушка—синяя птица.

Я тоже был на этой свадьбе, получил платок, когда раздавали подарки, но по дороге встретилась соседка Хадижат, и я отдал ей этот платок.

Волшебный сад и его хозяйка

(Аварская сказка)

Жил-был хан. Он был строгий и умный, и было у него три сына. Сыновья очень любили отца и, когда хан на старости лет лишился зрения, и телом его овладела болезнь, сыновья сказали:

– Отец, разве нет лекарства для твоих глаз? Разве нет средства от твоей болезни?

– Есть, – ответил хан. – Существуют плоды волшебного сада, но только достать эти плоды невозможно, – их охраняет Царевна молодости.

Сыновья всё-таки решили отправиться на поиски волшебного сада.

Первым выступил в путь старший брат. Он накормил коня, захватил хорошее оружие, миновал свою гору, обошёл чужую, позади оставил снежную долину, за ней ледяную и наутро встретил старика с белой бородой, который, склонившись к земле, сшивал травяными нитками растрескавшуюся от зноя дорогу.

Старший сын хана так удивился этому занятию, что не удержался от насмешки.

– Шить тебе, да не зашить, – сказал он.

– Ехать тебе, да не доехать, – ответил старик.

Сын хана рассердился и поехал дальше.

Наконец он очутился в местах, где текли молочные реки и среди зимы поспевал виноград.

«Если и существует где-нибудь в мире волшебный сад, так он должен быть здесь», – подумал юноша.

Он наполнил сумки плодами и вернулся домой.

– Что это ты ни поздно, ни рано? – спросил отец. – Далёк ли был твой путь, сын?

– Далёк, отец, – ответил старший сын. – Я достиг тех мест, где текут молочные реки и среди зимы вызревает виноград. Если есть где волшебные сады, так это в них я побывал.

– Увы, сын мой, – сказал хан, – куда больше надо скакать, чтобы достичь этих садов. До тех мест, где ты побывал, я в молодые годы добирался скорей, чем старик успевал выкурить трубку.

Настала очередь отправляться в путь среднему брату. Он тоже взял хорошее оружие и доброго коня, перевалил и через горы, и через долины и тоже повстречал старика, сшивавшего трещины в дороге.

– Шить тебе, да не зашить, – сказал юноша.

– И тебе бы так, – отвечал старик.

Сын хана засмеялся и поехал дальше. Он миновал молочные реки, оставил за собой землю, где среди зимы поспевал виноград, и, наконец, очутился в местах, где текли масляные реки и где вместе были и знойная пыль, и грязь по колена. За этими местами он нашёл такие сады, что забыл все преж-

ние, – такие только и бывают, наверно, в раю. Наполнив сумки, юноша вернулся домой.

– Что это ты ни поздно, ни рано? – спросил отец. – Далёк ли был твой путь?

– Наверно далёк, отец, – сказал сын. – Я миновал и молочные реки, и масляные, был и там, где среди зимы поспевают виноград, и там, где вместе лежат и грязь, и пыль, и попал, наконец, в такие сады, какие бывают только в раю. Если существует на свете волшебный сад, так это он!

– Увы, сын мой, – сказал хан, – до земли, в которой ты побывал, я в молодости попевал быстрее, чем хинкал успевал свариться в котле. До волшебных садов куда дальше!

– Что ж, попробую теперь доскакать туда я, – сказал младший сын хана.

Он повторил путь старших братьев и, когда перевалил через горы и доли, тоже повстречал старика, сшивавшего трещины на дороге.

– Не помочь ли тебе, отец? – спросил юноша.

– Спасибо, сынок, дай лучше я тебе помогу.

– Ох, дедушка, если бы ты мог, – обрадовался юноша и рассказал старику о своей задаче.

– Что ж, сын мой, – говорит старик, – выполнить её можно. Только не спеши, если увидишь какую-нибудь диковинку.

Рассказал старик, что надо проехать и молочные реки, и масляные, и медовые, потом проскакать ещё столько же, сколько до тех пор проскакал от дома, повстречав вечернюю

зарю, догнать утреннюю, миновать и хрустальную башню, и серебряную, и остановиться только у золотой. Тут и будет волшебный сад с плодами, возвращающими здоровье.

– Только смотри, – предупредил старик, – станешь подходить к железным воротам в этот сад, не вздумай отворять их руками. Найди железный прут и толкни им. Будешь входить в сад, оберни ноги травой. А плоды рукой тоже не рви, – расщепи палку и срывай ею.

– Спасибо, отец, – сказал сын хана и, пожелав старику здоровья, поехал дальше.

Долго ли, близко ли ехал, – неизвестно, но только миновал он и все реки, и башни и на вечерней заре очутился у волшебного сада.

Только он тронул железным прутом ворота, как они заскрежетали.

– Хозяйка, проснись! Нас толкает железо! Железо сильнее нас.

– Молчите, дайте мне спать! – сказала хозяйка волшебного сада. – Что же может толкать вас, как не железо.

Она подумала, что одна половинка ворот придавила другую.

Сын хана между тем обернул ноги травой и вошёл в сад.

– Проснись, хозяйка, проснись! – зашелестели цветы. – Нас давит трава!

– Замолчите, дайте мне спать! – сказала хозяйка. – Кто же может давить вас, как не трава?

А сын хана расщепил палку, начал срывать плоды.

– Проснись, хозяйка, проснись! – зашумели плоды. – Нас касается дерево, нас срывает дерево!

– Молчите, не мешайте мне спать! – пробормотала хозяйка. – Что же может касаться вас, как не дерево!

Наполнив дорожные сумки, сын хана хотел было уже возвращаться домой, но подумал: как же это я, побывав в волшебном саду, не увижу его хозяйки? Пойду-ка взгляну на неё! Сказал так, вошёл в золотую башню и ахнул – такая там была красота. Вокруг светло, всюду просторно, а на столах такое кушанье и питье, что разве только соловьиного молока не хватает. Сын хана покушал в своё удовольствие и пошёл дальше. Увидел он хозяйку волшебного сада и замер, – царевна спит, а вся так и светится, это от неё светло по всей башне.

Не удержался юноша и поцеловал девушку в щеку, цвета занимающейся утренней зари. Там, где поцеловал, разлилась сейчас же вечерняя заря, а царевна так и не проснулась – ведь губы юноши легки – они для девушки, что цветы для травы.

Не хотелось ханскому сыну покидать такую красавицу, но дома ждал больной отец. Вот он и предстал перед ним.

– Здравствуй, сын, – сказал отец, – приехал ты не рано. Видно не близок был твой путь.

– Не близок, отец, – ответил младший сын хана и печально добавил: – Вот и побывал я в волшебном саду, а теперь никак

не могу забыть его хозяйку.

Хозяйка волшебного сада между тем, встав поутру, подошла к столу и заметила, что пища и питьё её кем-то тронуты. Посмотрела в зеркало и заметила цвет вечерней зари на щеке.

– Говори, кто у нас был этой ночью? – спросила она своё зеркальце.

Зеркало рассказало. Тогда царица собрала свои войска и пришла во владения умного и старого хана. Окружив его ханство, она велела, чтобы к ней явился герой, осмелившийся рвать плоды в волшебном саду.

«Это ведь я первый рвал», – подумал старший из трёх братьев и пошёл к царице.

– Так это ты рвал плоды в моём саду? – спросила царица.

– Я рвал, – ответил старший брат.

– А как ты их рвал?

– Как? – удивился юноша. – Да руками рвал.

– Вернись домой, – рассмеялась царица, – это не ты был в моем саду?

Тогда к хозяйке волшебного сада решил пойти средний брат. И с ним вышло все так же, как и со старшим. Наконец, пошел младший брат.

– Ага, значит, это ты, добрый молодец, рвал плоды в моём саду? – встретила его царица.

– Я рвал, а кому же больше, – ответил юноша.

– А как ты их рвал?

Юноша рассказал, как он перехитрил волшебных сторожей ее сада – и ворота, и цветы, и плоды.

Тогда хозяйка волшебного сада поднялась с места и перед всем народом трижды поцеловала юношу – три раза в одну щеку и три раза в другую.

– Это в отместку, – засмеялась она. – По нашему обычаю украденное следует взыскивать вдвое и втрое.

Младший сын хана на радостях повёл свою царевну к отцу. Во дворце стало светлей. Царевна провела руками по своему лицу цвета утренней зари, а потом по лицу старика, и он сразу прозрел. Потом девушка провела руками по груди хана, и болезнь сейчас же вышла из его тела.

Младший сын хана женился на хозяйке волшебного сада.

У них были сыновья, похожие на отца, и дочери, похожие на мать, и они и сейчас живут в счастье и радости.

Табунщик и дочь падишаха (Даргинская сказка)

Жил-был табунщик, и было у него сорок кобылиц. Наступила весна, и кобылицы ожеребились. Вот один жеребчик и просит табунщика:

– Зарежь жеребят,– дай мне вволю попить молочко всех сорока кобылиц!

Табунщик удивился, но сделал, как просил жеребчик. Попил он вдоволь молока всех кобылиц и стал здоровый да ладный.

На следующий год сорок кобылиц снова принесли сорок жеребят, и жеребец-однолеток снова попросил табунщика оставить ему все молоко. На третий год произошло то же самое.

Табунщик соглашался, а жеребец рос да креп.

Но когда и на четвертый год жеребец снова попросил дать ему попить молоко всех кобылиц, табунщик очень рассердился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.